САМУИЛЪ ГАНЕМАННЪ[1]
PSEUDOMESSIAS MEDICUS,
κατ εξοχην ВСЕРАЗВОДИТЕЛЬ,

или
Критическое очищеніе и омовеніе врачебныхъ конюшень Авгія, наименованныхъ: Органонъ Врачебной Науки: способъ гомеопатическаго врачеванія тожъ,

Въ пользу Врачей и иныхъ образованныхъ читателей,
Фридриха Александра Симона, мл.
Dem Narrenkönig gehört die Welt.

Дураку законъ не писанъ.

„Врачъ, который хвалится окольными путями и дивными средствами, пользуется большею довѣренностію нежели Врачъ, идущій прямыми путями Природы. Больной всего охотнѣе довѣряетъ жизнь свою человѣку безъ познаній, безъ совѣсти, основывающему весь успѣхъ свой единственно на смѣлыхъ обѣщаніяхъ, на тайныхъ средствахъ и на простодушіи немогущаго; - пошлые и плоскіе возгласы вновь прибывшаго шарлатана поднимаютъ на ноги цѣлый городъ; растворяютъ окна, разбираютъ крыши, всякому хочется подивиться на - зеленаго осла!"

Zimmermann v. d. Erfahrung, T. I, p. 38.

Вотъ заглавіе и эпиграфъ небольшаго критическаго сочиненія, съ которымъ вкратцѣ хотимъ ознакомить нашихъ читателей. Гомеопатія и поборники ея въ наше время сдѣлались причастными всеобщаго вниманія въ такой степени, что, думаю, краткій разборъ кореннаго ученія вводителя и изобрѣтателя системы сей займетъ читателя мыслящаго и благонамѣреннаго.

Сочинитель, т. е. Критикъ, Докторъ Симонъ въ Гамбургѣ, извѣстный уже ученому міру какъ Критикъ остроумный и глубокомысленный, начинаетъ, вмѣсто введенія, словами Аристофана: «О вы, трудолюбивые мои художники! Вотъ еще иное чудо, новое и страннообразное. И кто бы нашелся иной ему изобрѣтатель? Нѣтъ, ей, ей, когда бы мнѣ шатающійся какой нибудь о томъ сказалъ, то я бы не повѣрилъ, а подумалъ бы: онъ только шутитъ!» [2]

Вотъ подлинно достойное примѣненіе сихъ стиховъ замысловатѣйшаго изъ всѣхъ Писателей Комедій къ способу врачеванія всеразводителя Самуила Ганеманна! Надобно имѣть въ рукахъ Органонъ его, этотъ мастерской наборъ хлама изъ лоскутнаго ряда Науки Врачеванія, чтобы не счесть всего этого одною только дурною шуткою. Критикъ нашъ принялся, послѣ долговременной, тяжкой болѣзни, для отдыха и забавы, за это достопамятнѣйшее исчадіе гусинаго пера нашего вѣка, и едва могъ опомниться, какъ говоритъ,

убѣдившись наконецъ, что Органистъ нашъ не думаетъ шутить, но предлагаетъ намъ богатырскія врачебныя сказки свои, коимъ подобныхъ не исходило на свѣтъ ни изъ одной чернилицы, за новую и безошибочную систему Врачебной Науки. А посему и рѣшился онъ, Критикъ, исходить всю болотистую область Органона, и предостеречь всѣхъ собратій своихъ, кои могли бы, по невѣдѣнію, забрести въ сіи Понтинскія болота всеразводителя; а кто однажды забредетъ въ оныя, легко можетъ увязнуть по шею, даже по уши, какъ то случалось неоднократно съ извѣстными и всякаго уваженія достойными людьми.

Критикъ слѣдуетъ за Органономъ по параграфамъ, и подвергаетъ каждый подробнымъ изысканіямъ. По этому-то онъ и называетъ критику свою путешествіемъ, которое весьма успѣшно и занимательно прикрасилъ на каждомъ шагу остротами и замысловатостями, придающими дѣльному и толковому разбору его видъ пріятный и разнообразный.

Что касается до заглавія сей книги, то, понеже Органистъ нашъ всюду выдаетъ себя за жданаго и желаннаго Мессію Врачебной Науки, то Критикъ назвалъ ее Лжемессіею, Pscudomissias; Всеразводителемъ по превосходству, κατ εξοχην **для того, что Гомеопатъ долженъ разводить и перетирать lege artis. Въ самой вещи, что такое былъ бы Гомеопатъ неразводитель? Ножъ безъ клинка, коего черенокъ затерянъ, ружье безъ ствола, безъ замка, безъ ложи; шуба безъ мѣху и безъ покрышки! Что жъ, наконецъ, касается до примѣненія конюшень Авгія, коихъ очищеніе принадлежало, какъ извѣстно, къ числу исполинскихъ дѣлъ Геркулеса, то благосклонный читатель изъ нижеслѣдующаго самъ легко убѣдиться можетъ, не нуждаются ли, говоря языкомъ иносказаній, врачебныя конюшни всеразводителя въ критическомъ очищеніи и омовеніи.**

Но прежде всего вонмемъ гласу, знакомящему насъ съ біографіею, спрѣчь, съ житьемъ-бытьемъ Самуила Ганеманна.

Самуилъ Христіанъ Фридрихъ Ганеманнъ родился въ Мейсенѣ въ 1755 году, обучался Умозрительной Врачебной Наукѣ, и постигъ оную въ два года, въ Лейпцигѣ; а приложеніе оной къ опыту, въ Вѣнѣ, у Профессора Кварина, въ одинъ годъ. Онъ пользовалъ, до полученія ученой степени, въ Германштатѣ, будучи вмѣстѣ и Библіотекаремъ и Лейбъ-Медикомъ Губернатора Седмиградскаго; написалъ въ Эрлангенѣ диссертаціи: Conspectus affectuum spasmodicorum, былъ потомъ Физикомъ въ Гоммернѣ, близъ Магдебурга, женился на дочери Аптекаря, и занимался Химіею и переводами съ Англійскаго языка врачебныхъ сочиненій. Опытную Химію обогатилъ онъ не только liquore probatorio Hahnemanni, но и болѣе извѣстнымъ и важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ новой щелочи своей, alcali pneum, - безъ имени овца баранъ - и такъ: alcali pneum, о коей между прочимъ въ одномъ современномъ изданіи[3] сообщено каждому и всякому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, слѣдующее:

«Г. Ганеманнъ объявилъ въ трехъ различныхъ Журналахъ о вновь открытой имъ щелочи alcali pneum, которую и продаетъ унцію по фридрихсдору (по полуимперіялу). Общество Естествоиспытателей въ Берлинѣ, желая изслѣдовать вещество сіе, коего вліяніе на Химію такъ явно - выписало изъ Лейпцига стклянoчку онаго въ одну унцію, и передало ее нижеподписавшимся Членамъ своимъ для разложенія. Стклянoчка имѣла надпись alcali pneum и печать Г. Доктора Ганеманна была на ней невредима. Выводъ испытаній нашихъ, подробный отчетъ коихъ пріобщенъ Архиву Общества, есть тотъ, что упомянутое alcali pneum не иное что, какъ простая обыкновенная бура. Надѣемся, что Г. Докторъ Ганеманнъ не замедлитъ указать намъ, для собственнаго оправданія своего, на обстоятельства, кои могли подать ему поводъ обмануться въ семъ, столь общеизвѣстномъ веществѣ, и пустить въ продажу сію мнимо-вновь открытую щелочь, по фридрихсдору унцію, которую

въ любой аптекѣ имѣть можно за нѣсколько грошей.»

Берлинъ, Декабря 9-го 1801.

Клапротъ. Карстенъ. Гермбстетъ.

Похвальный листъ сей не нуждается, кажется, ни въ какихъ поясненіяхъ; онъ ясенъ какъ самое дѣло.

O cives, quaerenda pecunia primum est,

Virtus post nummos.....

.....

....Rem, facias, rem,

Si possis, recte; si non, quocunque modo - rem!

то есть: денегъ, друзья, денегъ напередъ добывайте, а добродѣтель не уйдетъ... наживайтесь; гдѣ можно, честно; гдѣ нельзя, какъ нибудь наживайтесь!

Упомянутое alcali pneum доставило изобрѣтателю, кромѣ похвальнаго листа сего, еще иные золотые плоды, ибо черезъ годъ со днемъ, уже явилось второе изданіе изобрѣтенія сего, а именно: порошки, коихъ дѣйствительною частію была одна десяти-милліонная доля пылинки корня красавицы[4]. Порошки эти, по примѣру

перваго удачнаго опыта, продавались, яко испытанное предохранительное средство отъ скарлатины, по полновѣсному фридрихсдору. Кто не желаетъ сберечь дѣтокъ отъ этой болѣзни? И такъ, порошки раскупались. - Сіе второе изобрѣтеніе было позамысловатѣе перваго, ибо при частой недѣйствительности его всегда можно было прибѣгать къ различнымъ причинамъ и уловкамъ. Наконецъ, при переводѣ Фармакологіи Куллена, встрѣтилъ Всеразводитель нашъ первый лучъ свѣта новой системы своей; а испытаніе дѣйствія хины надъ самимъ собою озарило багряницею новое врачебнословіе его - багряницею, прояснившеюся наконецъ до яркаго солнечнаго дня. Теперь принялся онъ снова пользовать и исцѣлять, и во-первыхъ, въ Георгіенталѣ, въ больницѣ ума лишенныхъ, которая, кажется, и подѣйствовала на него гомеопатически, т. е. подобнодѣйственно, - потомъ въ Брауншвейгѣ, Кенигслутерѣ; но, ненавидимый почасту имъ оскорбляемыми товарищами и преслѣдуемый аптекарями за

самовольную продажу лекарствъ, отправился онъ въ Гамбургъ, Эйленбургъ, Торгау - и здѣсь-то наконецъ явилось на свѣтъ, въ 1810 году, безсмертное твореніе его, Органонъ, или: Aude эapere. Вскорѣ избралъ онъ Лейпцигъ поприщемъ безконечныхъ разжиженій своихъ, въ коемъ и ратоборствовалъ одиннадцать лѣтъ сряду. - Касательно тамошнихъ похожденій его, говоритъ между прочимъ Лейпцигскій Профессоръ Ергъ: «Онъ навѣщалъ больныхъ рѣдко; обѣщалъ всѣмъ, даже самымъ неисцѣлимымъ, скорую и вѣрную помощь; но не только дѣлалъ напередъ условіе на счетъ платы за посильные труды свои, но и нерѣдко половину оной испрашивалъ себѣ напередъ. Если больные умирали, то онъ, отвергая пользу вскрытія тѣлъ, всегда избѣгалъ присутствія при ономъ. Умершій подъ пользованіемъ его Князь Шварценбергъ, былъ единственнымъ изъ сего правила его исключеніемъ: Ганеманнъ вынужденнымъ нашелся предстать на лице при вскрытіи трупа его. Ганеманнъ умѣлъ поселять къ себѣ какое-

то благоговѣніе или подобострастіе, страннымъ образомъ обхожденія своего и важнымъ, строгимъ, тупымъ педантизмомъ. Не смотря на то, по недостатку цѣнителей достоинствъ своихъ, и по случаю вторичнаго воспрещенія самовольной продажи жидкихъ средствъ своихъ, отправился онъ наконецъ въ Кётенъ, и объявилъ гласно[5]: «Мнѣ дозволено добрымъ Герцогомъ Кётенскимъ раздавать самому, своеручно мною изготовленныя средства.»

Съ тѣхъ поръ третъ и разводитъ Органистъ нашъ, въ чинѣ Ангальтъ-Кётенскаго Надворнаго Совѣтника, елико силы его дозволяютъ. Въ 1829 году празднованъ тамъ великолѣпно Докторскій 50-лѣтній юбилей его, многочисленными учениками и послушниками, кои попировали, приняли благословеніе отъ лжепророка и наставника Всеразводителя своего, и разлились безконечно тонкимъ слоемъ по вселенной.

Приступая теперь къ разбору предисловія Органона, замѣчаетъ Критикъ

нашъ, что Органистъ только въ первомъ изданіи книги своей поставилъ заглавіе: Organon der rationellen Heilkunde, Органонъ умозрительной Врачебной Науки, или на правилахъ здраваго разсудка основанной, а въ прочихъ изданіяхъ на вѣки вѣковъ отрекся уже самъ отъ здраваго смысла и разсудка, какъ на вывѣскѣ, т. е. въ заглавіи, такъ и вообще въ цѣломъ лоскутномъ ряду врачебнословія своего.

На выходку Ганеманна, будто вся Врачебная Наука, коей прилежали мы и слѣдовали доселѣ, за недостаткомъ лучшаго, два съ половиною тысячелѣтія, во всѣхъ частяхъ своихъ есть не иное что, какъ вздорное, безполезное, ничтожное сплетеніе умозрѣній и догадокъ, Критикъ отвѣчаетъ, что изреченіе сіе: будто бы до появленія на свѣтъ лжеученій Органиста и поборника Самуила, всюду царствовали однѣ только умозрѣнія и догадки, что ни одинъ Врачъ не шелъ путемъ опыта - есть безстыдная ложь. Каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, слѣдуетъ въ дѣйствіяхъ своихъ тому, чему учитъ его Природа у ложа

больнаго; дѣйствіе противное сему есть хулы достойное исключеніе. Самое появленіе и успѣхъ ученія Органиста Самуила доказываетъ наклонность вѣка нашего къ отысканію истинъ опытныхъ, а не умозрительныхъ, наклонность къ эмпиризму. - Но лжемудрое ученіе Всеразводителя, который кичится на каждомъ шагу опытомъ, начинаетъ тѣмъ, что, вопреки всѣмъ на свѣтѣ умозрительнымъ и опытнымъ истинамъ, вооружаясь мѣднымъ лбомъ, утверждаетъ, будто бы децилiонныя доли грана средствъ и снадобiй, коихъ цѣлые лоты едвали обнаруживаютъ замѣтное влiяніе на составъ тѣла нашего, дѣйствуютъ на страждущаго удивительно, спасительно и цѣлебно; послѣ сего не признаетъ никакихъ цѣлебныхъ усилiй Природы, не допускаетъ необходимости связнаго наблюденія хода болѣзни и сочетанія, соображенія всего видѣннаго - а наконецъ оканчивается оное ученіе скромнымъ возгласомъ: «все доселѣ было въ Наукѣ нашей противуопытное,

искусственное издѣліе, нагая выдумка, подъ одною только личиною вѣроятія!»

«Добро,» восклицаетъ негодующій Критикъ: «добро, ты, децилiонная доля Врача, посмотримъ, на что походитъ безконечно жидкая Мессiада твоя! не она ли есть хитросплетенная сказка изъ Тысячи и одной ночи безъ всякаго правдоподобія и вѣроятія? Тщетно указываешь ты на поклонниковъ своихъ, Графовъ, Бароновъ, Князей, Генераловъ и Совѣтниковъ разнородныхъ, старухъ и переспѣлыхъ красавицъ; это ничего не доказываетъ; вредныя или безполезныя средства и леченіе оными всегда господствовали въ толпѣ, и твои приверженцы опомнятся, отпадутъ со временемъ съ тщетнымъ раскаяніемъ отъ ученій лжепророка своего; но многіе еще пожертвуютъ для блага общаго жизнью и здоровьемъ обманщику, который бездѣйствію своему даетъ пышное названіе новаго ученія! Все это говоримъ и повторяемъ мы не для Органиста Самуила; онъ слушаетъ, да ѣстъ; мы говоримъ это, возставая за честь и славу Науки, за жизнь

и здоровье могущихъ, по невѣдѣнію, впасть въ заблужденіе.»

За симъ слѣдуетъ: Критическое очищеніе и омовеніе вступленія Органона Критикъ избралъ эпиграфомъ слѣдующіе стихи Аристофана:

Брекекекексъ, коаксъ, коаксъ!
Брекекекексъ, коаксъ, коаксъ!
Да воспоемъ мы, блаторожденные,
Всѣ единогласно гимнъ
Благозвучнымъ хоромъ пѣсеннымъ:
- Коаксъ, коаксъ!
Гимнъ, что вкругъ сына Зевсова
Мы въ нагорномъ блатѣ воспѣвали,
Когда въ изступленьи радостномъ
Дико, къ священну дню праздичну
Народъ стекается ко святынѣ нашей!
Брекекекексъ, коаксъ, коаксъ!
Брекекекексъ, коаксъ, коаксъ!

Самохвальная и самодовольная пѣснь лягушекъ Аристофана представляетъ картину, которую, ради симметрическаго подобія, можемъ противопоставить Органону Всеразводителя. Но, надобно быть Гомеопатомъ, чтобы выразумѣть всю

прелесть звука и силу значенія этого докучливаго и приторнаго: брекекекексъ, коаксъ, коаксъ, Всеразводителя и ратоборца, Самуила. Онъ мѣшаетъ безъ толку и значенія искру истины съ совершенною безсмыслицею, и обольщаетъ всякаго, кто шагаетъ вслѣдъ за нимъ, не повѣряя его тщательно на каждомъ шагу, заводитъ въ болота непроходимыя. Такъ, напримѣръ, утверждаетъ онъ, что до него не умѣли основываться на показаніяхъ Природы и на опытѣ, но слѣдовали только показаніямъ произвольно вымышленнымъ. Это, повторяемъ еще разъ - ложь и безтолочь, какъ всякій легко увидитъ; всѣ Науки Врачеванія возродились первоначально изъ опытовъ, случайныхъ и умышленныхъ; открытію лучшихъ средствъ нашихъ и снадобій обязаны мы симъ источникамъ, - гораздо позже опытныя истины сіи были собраны людьми мяслящими, и составили нѣчто цѣлое, заслужившее названіе Науки.

Съ одинаковою неосновательностію, вопреки всякому опыту и здравому смыслу, отвергаетъ онъ и общепринятое, и испытанное правило: contraria contrariis, противное противному, не допускаетъ прохлаждать палимаго внутреннимъ зноемъ, согрѣвать остывшаго лихорадочнымъ ознобомъ, подавать слабительное страждущему запоромъ, останавливать излишнее и истощающее больнаго испражненіе, отвлекать мѣстно скопившуюся кровь и проч. Что дѣйствія сіи нерѣдко доставляютъ одно только облегченіе временное, паліативное, это мы знали до выхода Мессіады его; но, надобно быть или малоумнымъ или злоумышленнымъ, чтобы утверждать, что симъ способомъ доселѣ никто еще не былъ исцѣленъ! Similia similibus curantur - подобное подобнымъ исцѣляется, восклицаетъ лжепророкъ нашъ, окутывая и опутывая новое открытіе сіе темными, двусмысленными, искаженными выдержками мало извѣстныхъ и невразумительныхъ Писателей, на цѣлыхъ

44-хъ страницъ. Но Критикъ нашъ, изслѣдовавъ и повѣривъ тщательно всѣ выдержки, вымѣтки и ссылки его, и указавъ на все превратное, искаженное, и даже облыжное оныхъ, заключаетъ Эпикритикою благополучно совершеннаго плаванія по гнилому морю безконечнаго множества ни къ селу, ни къ городу набранныхъ и искаженныхъ вымѣтокъ - Эпикритикою, коею старается доказать, то явное намѣреніе набора сего историко-полемико-философскаго снаряда есть не иное, какъ то, чтобы, давъ безсмертному творенію своему видъ основательности и учености, ввести оное корчемствомъ симъ въ общество врачей и въ кругъ образованныхъ читателей. Что органистъ нашъ въ расчетѣ своемъ не вовсе ошибся, доказывается уже тѣмъ, что только Ергъ былъ первый, вздумавшій повѣрить ссылки и выдержки его, 12 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ свѣтъ! Кто не зналъ его лично, тому не могло войти въ голову искать въ твореніи его этого безстыдства и нахальства. И къ чему было марать руки въ облыжныхъ ссылкахъ

и вымѣткахъ? Рано ль, поздно ль, это всегда откроется, и тогда и изобличатъ какъ дважды два! Это неосторожно и опрометчиво! не лучше ли было бы, Павлушка мѣдный лобъ, оставаться тебѣ при опятахъ своихъ? Дюжина, другая чудотворныхъ исцѣленій, коихъ легко бы можно тебѣ накидать на бумагу

In hora saepe ducentos, stans pede in uno,

то есть, по двѣсти на часъ, не вставая съ мѣста, - а къ сему еще шестипушечная фармакологическая баттарея, или похоронныя дроги шестеркою цугомъ, какъ нѣкто назвалъ шесть грозныхъ томовъ Мессіады твоей, и кто бы не сдался!

Изъ множества таковыхъ ложныхъ и искаженныхъ ссылокъ и выдержекъ приведу, ради примѣра, пару, чтобы люди, неповѣрявшіе ссылокъ Органона, этого не любо не слушай въ новомъ родѣ, могли имѣть понятіе о производствѣ дѣлъ по Департаменту безконечныхъ разжиженій. Право, это любопытно. - Тамъ извѣстія и показанія не рѣдко ростутъ и множатся, дробятся и искажаются, какъ самая молва

въ устахъ черни. Павлушка, гдѣ нужно, выворачиваетъ тулупъ наизнанку и оставитъ его вмѣсто пугала; или онъ одну и ту же вѣсть, дошедшую до него изъ пяти устъ, пересказываетъ степенно, какъ дѣло, пять разъ случившееся. Такъ Лобелій разсказываетъ, что винный настой Эвфразіи подѣйствовалъ вредоносно на глаза пріятеля его; а Павлушка мѣдный лобъ увѣряетъ, что Боннетъ и Simon Paulus сдѣлали то же наблюденіе, тогда какъ оба послѣдніе пересказываютъ только то, что замѣтилъ Лобелій! Такъ лжепророкъ, повѣствуя о томъ, что духъ розы повергаетъ нѣкоторыхъ людей въ обморокъ, и стараясь доказать, что тотъ же духъ розы можетъ пробуждать обмершихъ, ссылается безъ зазрѣнія совѣсти на какую-то Евдокію Византійскую, которая яко бы подала симъ средствомъ пособіе кому-то, одержимому обморокомъ; ссылается на 27 огромныхъ томовъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, какъ Хлестова въ Комедіи Грибоѣдова, на какой-то Турецкій городъ, гдѣ выводятъ Арапокъ на показъ какъ

звѣрей, называя городъ этотъ: тамъ! - Критикъ нашъ этимъ не удовольствовался: онъ рылся, доискивался и наконецъ написалъ къ воплощенной Энциклопедіи, начитанному и ученому Шпренгелю, прося его пособія въ отысканіи означеннаго мѣста, если только это не нагая выдумка. Шпренгель открылъ требуемое; а изъ сего и оказалось, что, во-первыхъ, упоминаемое средство было не розовая вода, не ροδοόταγμα, **но** τῶυ υόδῶυ σταλαγμα **- а это не одно и то же; во-вторыхъ, пособіе, поданное старцу, Византійскому Императору Алексѣю, дочерью его, состояло въ томъ, что она его окропила водою, и подала ему розовыхъ капель, онъ пришелъ въ себя, впалъ снова въ безчувствіе, и умеръ. Спрашиваю: стоило ли приводить этотъ случай въ примѣръ пособія отъ розовой воды, обмершими получаемаго? А наконецъ, не Евдокія, а Марія подала мнимую помощь сію умирающему отцу!**

Таковы всѣ почти ссылки Органиста; но этихъ двухъ примѣровъ, кажется,

достаточно. Пора вступить намъ съ Критикомъ къ обзору самаго текста Органона, и воскликнуть при семъ словами Данта:

Noi sem venuti ad luogo ov'jo ti ho detto
Che vedarai le genti dolorose
Ch' hanno perduto il ben' dell'intelletto!

то есть: «Мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ, какъ я сказывалъ тебѣ, увидишь ты несчастныхъ, утратившихъ благой даръ разума!»

Во-первыхъ, опять проповѣдуетъ всеразводитель нашъ, что доселѣ всѣ мы, врачи-самозванцы, дразнили, обманывали и дурачили больныхъ своихъ пустыми вымыслами и умозрѣніями. Неужели найдутся люди, которые увидятъ въ этомъ площадномъ возгласѣ шарлатана что либо, кромѣ: брекекекексъ, коаксъ, коаксъ малоумнаго или злобнаго пустоплета? Объявляя вспомогательныя Науки, Анатомію, Физиологію, Патологію, пустымъ мечтательнымъ бредомъ, не возобновляетъ ли онъ симъ самымъ только древній споръ между цеховыми ремесленниками и

опытными, мыслящими приверженцами Врачебнословія? - Но не лучше сей и слѣдующая выходка, будто бы мы всегда только слѣдуемъ врачебнымъ показаніямъ, изъ самой сущности болѣзни извлекаемымъ, и таковыми изысканіями упускаемъ время, а съ нимъ и всякую возможность пособія. - Конечно мыслящій Врачъ старается давать себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ, старается восходить отъ дѣйствія къ причинѣ, а не идетъ слѣпо и тупо стезею безразсуднаго, часто мнимаго и насъ обманывающаго опыта - но никто, кромѣ какого нибудь на умозрѣніяхъ ряхнувшагося кабинетнаго сидня, не мечтаетъ проникать во внутренность причинъ и дѣйствій жизненныхъ силъ нашихъ. Большая часть Врачей, именитыхъ и неименитыхъ, давно признали несбыточность таковыхъ преувеличенныхъ требованій; этого нельзя не знать рукодѣльнику Органона, который не хочетъ заключать по припадкамъ о болѣзни о причинѣ, ихъ породившей, а хочетъ непосредственно уничтожать самые

припадки. Но кому, спрашиваю, неизвѣстно, что причины, весьма различныя, поражая жизненныя силы наши, производятъ припадки одинаковые и наоборотъ[6]? А если можно дойти до причины сей, устранить ее, не будетъ ли занемогшій исцѣленъ? А если велятъ намъ имѣть въ виду одинъ только какой нибудь припадокъ, и дѣйствовать на него безъ всякихъ соображеній, то не откажется ли здравый разсудокъ нашъ отъ такого безотчетнаго дѣйствія? Но въ намѣреніе лжепророка, при составленіи возгласовъ сихъ вовсе не входило добросовѣстнаго изложенія истины, открытія заблужденій ума человѣческаго или чего либо сему подобнаго: ему хотѣлось только оглушить столповымъ пѣніемъ ордена своего всѣхъ, и больныхъ и здоровыхъ, обезславить и попрать ногами всѣхъ, доселѣ честно трудившихся братій своихъ, дабы въ глазахъ толпы возсѣсть на брѣнныхъ остаткахъ ея, новымъ и единственнымъ благодѣтелемъ человѣчества. Если читаешь у него, что употребительный доселѣ

способъ врачеванія есть дѣйствіе, въ коемъ, основываясь на показаніяхъ вымышленныхъ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній о средствахъ, противопоставляютъ въ кудрявыхъ формулахъ смѣси оныхъ немочамъ, только въ Патологіи нашей поименно существующимъ - то нехотя принужденъ заключить, что Органистъ нашъ мѣтилъ этимъ или въ самыхъ плохихъ коноваловъ нашего вѣка, или - въ Библіотекаря и Лейбъ-медика, блаженной памяти, Губернатора Седмиградскаго! Безъ сомнѣнія, одни только припадки болѣзни подлежатъ непосредственно чувственному познанію нашему; но, ремесленникъ - органистъ снимаетъ ихъ по лекалу и прикидываетъ на фармакологическій масштабъ, а мы, соображая ихъ между собою, стараемся восходить отъ нихъ къ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Утверждая же, что явленія или припадки, по себѣ, составляютъ все, что только для исцѣленія намъ знать нужно, не вдаваясь ни въ какія соображенія, нашъ ратоборецъ гнетъ, какъ говорится, безтолочь неоколесную. Онъ

впалъ въ заблужденіе это, смѣшавъ и спутавъ причину и дѣйствіе; видимые припадки суть дѣйствіе причины, которой доискивается Врачъ мыслящій; а это не одно и то же; если школьника сѣкутъ розгами, и онъ вамъ объясняетъ самымъ подробнымъ образомъ чувствуемый имъ припадокъ, эymptoma, то есть: нестерпимую, рѣзкую, мѣстную боль - то какимъ образомъ устранитъ ее балагуръ нашъ, если не доберется до причины, производящей оную, и не положитъ первымъ необходимымъ условіемъ исцѣленія прекращеніе онаго дѣйствія? Неужели это не ясно? Оплеуха и послѣдующій за нею звонъ въ ушахъ, развѣ это одно и то же? Одна причина, другое - дѣйствіе; можно ли быть въ своемъ умѣ, и утверждать, что для уничтоженія послѣдняго не нужно дѣлать ни какихъ соображеній и заключеній касательно перваго? Не смотря на то, лжепророкъ нашъ или самъ такого мнѣнія, или хочетъ насъ одурачить, ибо ясно говоритъ: «по уничтоженіи явленій, болѣзнь не

существуетъ.» - Софизмъ, который всякому бросится въ глаза съ перваго взгляда. Можно замазать и залечить поверхностно язвочку, между тѣмъ какъ самая болѣзнь скрывается въ сокахъ больнаго, какъ обыкновенно выражаются; здѣсь явленіе, припадокъ, уничтоженъ; болѣзнь существуетъ, и не замедлитъ ознаменоваться въ иномъ видѣ.

Собственные опыты нашего краснобая также не стоятъ и ломанаго гроша. «Спиртовый настой унціи хины, принятый въ теченіе сутокъ, равно и ножная ванна изъ раствора мышьяка, неотвратимо производятъ перемежающуюся лихорадку,» возглашаетъ онъ между прочимъ. Кто хотѣлъ, вѣрилъ; но подвергнутое неоднократному опыту дѣло это оказалось совершенно ложнымъ: нѣкоторые отъ виннаго спирта опьянѣли, но лихорадки хинной и мышьяковой никто не могъ замѣтить. Изъ подобныхъ безотчетныхъ мнимыхъ аксіомъ, въ которыя намъ должно вѣровать, не разсуждая и не размышляя, составленъ весь текстъ Органона.

Всеразводитель нашъ, ратоборствуя и красноглагольствуя, громоздитъ рѣшительнымъ и степеннымъ тономъ воплощенно всевѣденія нахальные вымыслы свои гора горой, и требуетъ безусловной вѣры. И кто же пророкъ сей, сподвизающійся одинъ за слѣпотствующихъ братій своихъ? Тотъ же благочестивый, правдолюбивый, безкорыстный мужъ, который, 30 лѣтъ тому назадъ, открылъ и обрѣлъ новое вещество, alcali pneum, и разносилъ эту обыкновенную и простую буру подъ благовиднымъ предлогомъ по полуимперіалу унцію! Ученый, любопытный, и дивоохотный свѣтъ покупалъ, покуда не наткнулся на обманъ - а Самуилъ клалъ денежки въ карманъ, да помалчивалъ! Тотъ же самый человѣколюбивый и сострадательный, и, еще разъ: безкорыстный, мужъ, который продавалъ десяти милліонную частичку грана корня красовнусъ добродушнымъ покупателямъ и покупательницамъ за ту же умѣренную цѣну - одного только полуимперіала!

O cives, quarenda pecunia primum est,
Virtus post nummos.....

Наконецъ неутомимый разскащикъ Шехеразады раскрываетъ передъ нами неоцѣненные дары своего ученія. Вы за мной, вы за мной, а не я за вами! Ваше ученіе тьма, мое ученіе свѣтъ; вотъ оно:

«Должно испытывать снадобья на здоровыхъ; припадки и явленія, ими въ здоровомъ человѣкѣ раждаемые, суть единственный оселокъ цѣлебной силы ихъ.»

Это почему? Развѣ мы хотимъ лечить здоровыхъ? Снадобья нерѣдко дѣйствуютъ иначе на здороваго, иначе на больнаго; во-вторыхъ, кромѣ рвотныхъ, слабительныхъ и тому подобныхъ средствъ, равно и такъ называемыхъ ядовъ, всѣ иныя могутъ быть принимаемы человѣкомъ въ здоровомъ состояніи, въ количествѣ довольно значительномъ, не производя вовсе какихъ-либо замѣтныхъ дѣйствій; въ третьихъ, если какіе либо припадки и замѣчаются отъ таковаго пріема, то они не могутъ служить масштабомъ для больнаго, ибо, какъ уже упомянуто, нерѣдко дѣйствуютъ тамъ вовсе иначе; а наконецъ въ-четвертыхъ, кто не отрекся отъ здраваго смысла, долженъ

сознаться, что снадобья дѣйствуютъ сообразно лѣтамъ, полу, сложенію и прочее и проч. Слѣдовательно, сіе первое изрѣченіе не имѣетъ смысла.

«Для постояннаго, успѣшнаго и отраднаго исцѣленія должно всегда избирать снадобье, призывающее въ здоровомъ недугъ, подобный тому, какой исцѣлить желаемъ.»

Это изрѣченіе, другой краеугольный камень Мессіады, основываетъ Ганеманнъ ссылаясь на чужіе и собственные свои опыты. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ ссылки его искажены, или, запросто, вымышлены, онъ не имѣетъ никакого права ссылаться на людей, коихъ самъ лишаетъ неоднократнымъ приговоромъ всякаго знанія и довѣрія; а собственнымъ опытамъ его мы, безъ повѣрки, не вѣримъ: при производствѣ же сей послѣдней оказалось, что оные, начиная отъ вновь обрѣтенной щелочи и до хинной лихорадки, всѣ безъ изъятія преувеличены, перетянуты на свой болванъ, или запросто, вымышлены. И такъ и этотъ краеугольный камень провалился

сквозь трясину и пошелъ ко дну; вѣчная ему память!

«Всякое болѣзненное измѣненіе жизненныхъ силъ вполнѣ уничтожается вторымъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ, сходнымъ съ первымъ въ явленіяхъ своихъ, но разнствующимъ сущностію.»

Это изрѣченіе старается доказать краснобай нашъ, избирая примѣры общеизвѣстные. Пословица говоритъ: бей, но слушай его. И такъ послушаемъ и мы, но, вопреки наставленій его, сообразимъ сказанное имъ и разсудимъ, въ долгъ не повѣримъ. Мы видѣли, что ему пальца въ ротъ не клади. Онъ приводитъ слѣдующіе примѣры:

Сифилитическая болѣзнь исцѣляется посредствомъ меркуріальной болѣзни, сходной будто бы по припадкамъ съ первою. Но гдѣ видано, чтобы меркуріальная болѣзнь, по себѣ, безъ примѣси, то есть, отравленіе ртутью, производило припадки сходные съ любострастными, какъ то: рѣзь и течь, язвы извѣстнаго вида, паховики и проч.? Кто

видѣлъ одержимыхъ ртутною болѣзнію работниковъ во ртутныхъ рудникахъ, въ зеркальныхъ фабрикахъ, тотъ долженъ согласиться, что припадки сіи ни малѣйше не сходны съ припадками венерическими. Но дѣло въ томъ, что Всеразводитель нашъ почерпнулъ первообразъ ртутной болѣзни своей изъ того, что видѣлъ онъ и другіе при смѣшеніи и сплетеніи двухъ поименованныхъ недуговъ; рѣчь всегда идетъ только о больныхъ, одержимыхъ сифилитическою и злоупотребленіемъ ртути еще болѣе разстроенныхъ. Явленія ртутнаго отравленія, по себѣ, въ началѣ совершенно своеродны, а въ послѣдствіи гораздо болѣе подходятъ къ явленіямъ цынги. Этого всего нашъ Самуилъ сообразить не могъ или не хотѣлъ, а продолжаетъ насчитывать примѣры гомеопатическаго дѣйствія, какъ на тѣло наше, такъ и на душу. «Чѣмъ,» спрашиваетъ онъ съ обычнымъ самодовольствомъ, «стараемся мы уничтожить вліяніе непріятнаго запаха? Напойкою табаку; онъ поражаетъ нервы обонянія сходно, но еще сильнѣе.»

Прекрасно; и такъ табакъ есть не иное что, какъ вонючее вещество? Но тогда бы всякое иное, еще болѣе непріятное по запаху вещество, оказывало намъ еще лучшее дѣйствіе! Я уже не говорю о томъ, что въ приведенномъ примѣрѣ понятіе о гомеопатическомъ дѣйствіи вовсе упущено изъ виду, ибо всѣ вонючія или пахучія вещества имѣютъ относительно обонянія, столько общаго, сколько всѣ вообще, съѣстныя, относительно вкуса; здѣсь нѣтъ подобнодѣйствія въ явленіяхъ, о которомъ говоритъ нашъ Гомеопатъ, здѣсь только дѣйствіе на одинъ и тотъ-же органъ.

Приторно и скучно молоть вслѣдъ за нашимъ дружкомъ чепуху, превосходящую нелѣпостію своею все, доселѣ писанное, печатанное, сказанное, думанное и гаданное! Мы и безъ того слишкомъ углубились въ подробность разбора; остроумно и занимательно слѣдитъ Критикъ нашъ пророка-самозванца параграфъ за параграфомъ и указываетъ на всѣ безтолковые, безсмысленные, ребяческіе и шутовскіе возгласы его, произнесенные,

какъ что нибудь путное, тономъ важнымъ и степеннымъ! Слѣдуетъ, убѣждая и поучая на каждомъ шагу. Можно бы приписать Гомеопатіи ту отрицательную пользу, что она предоставляетъ Природѣ управиться съ болѣзнью, не препятствуя цѣлебнымъ усиліямъ ея - но самъ лжемессія не признаетъ отнюдь благихъ покушеній матери природы, ниже цѣлебныхъ усилій ея, а приписываетъ весь успѣхъ себѣ и дециліоннымъ дѣламъ и долямъ своимъ, какъ видно изъ слѣдующаго: «ничтожныя и жалкія усилія природы къ самоизлеченію возбуждаютъ состраданіе наше и умоляютъ о дѣятельномъ участіи для пресѣченія сихъ мученій.» - Ничтожныя и жалкія усилія природы!! И кто же пресѣкаетъ сіи самопроизвольныя мученія жалкой природы? Онъ же, и онъ одинъ, нашъ дружокъ! Попросимъ Чацкаго, чтобы онъ обратилъ къ нему два стиха:

Послушай, ври, да знай же мѣру;
Есть отъ чего съ ума сойти!

и приступимъ къ эпилогу Критика.

Частное заблужденіе одного человѣка, который, не будучи въ состояніи породить въ умѣ своемъ и удержать въ понятіи ни единой толковой, путной и связной мысли, котораго на каждомъ шагу изобличить можно въ умышленномъ искаженіи и преложеніи истины на изнанку, и который, набравъ изъ всякой всячины сумасбродное твореніе, выдаетъ оное за Органонъ врачебнословія, таковое частное заблужденіе можемъ простить привилегированному и патентованному Врачу, указавъ на него, какъ на замѣчательный примѣръ сумасбродства. Такихъ частныхъ разнородныхъ примѣровъ было и будетъ всегда довольно. Но если таковая душевная болѣзнь сообщается, дѣлается прилипчивою, повальною, поражая и подчиняя себѣ умы, доселѣ здравые, то это можетъ заставить призадуматься всякаго, кто цѣнитъ и уважаетъ Науку, печется достойнымъ образомъ о истинномъ приращеніи и усовершеніи ея.

Кажется, я доказалъ убѣдительно, что нѣтъ ничего общаго между Медициной Гомеопатовъ и нашею, да и быть никогда не можетъ. - Между истиною и ложью, правдою и неправдою, нѣтъ связи, нѣтъ средины; это вѣчные противники и противоборцы. Не въ томъ дѣло, яко бы Медицина наша постигла и заключила въ себѣ совершенство; нѣтъ, она весьма и весьма далека отъ этого; но добросовѣстное признанiе это и честное посильное стремленiе къ усовершенiю, съ избыткомъ, кажется, перевѣшиваютъ себялюбивую похвальбу нашего Шамана, этой одушевленной самоувѣренности. Стремленiе наше, говорю, къ недостижимому для человѣчества совершенству, честно, добросовѣстно, искренно; подвизаясь медленно и осторожно при свѣтильникѣ разума, при опорѣ опыта, можетъ ли оно когда либо побрататься со вздорными выродками сумасброднаго воображенiя? Въ основанiи своемъ Гомеопатiя есть бредъ, доказательства и ссылки ея ложь и неправда, а наконецъ, что можетъ подумать

человѣкъ, нелишенный еще здраваго употребленія пяти чувствъ, что долженъ онъ подумать о теоріи разжиженія лекарственныхъ снадобій? Децилiонная доля грана - это скоро сказано; но, знаютъ ли тѣ, которые отвѣшиваютъ и отмѣриваютъ доли сіи, что такое есть децилiонная доля грана? Знаютъ ли, что одинъ гранъ снадобья, распущенный, не только въ Атлантическомъ Океанѣ или Ледовитомъ морѣ, но и въ необъятномъ пространствѣ цѣлой солнечной системы, пресытилъ бы атмосферу нашу до того, что каждымъ вдыханіемъ поглощали бы мы несравненно болѣе гомеопатическаго пріема? Знаютъ ли, что децилiонная доля не только земли нашей, но и цѣлой толщи всѣхъ тѣлъ солнечной системы, есть вещь не видимая ни въ какіе микроскопы? Кто не вѣритъ, пусть потрудится исчислить; это истина математическая и не подлежитъ ни какому спору. Но, что же, спрашиваю послѣ этого, есть децилiонная доля одного грана? Пусть самый закоснѣлый Гомеопатъ станетъ со мною рядомъ, на очную ставку, и отвѣчаетъ

ясно и общепонятно и - если можетъ, не краснѣя, на этотъ вопросъ? - Нѣтъ, никогда очевидныя и зловредныя нелѣпости, смѣшные, неотесанные вымыслы, не могутъ сочетаться съ ученіемъ Науки нашей; децилiонныя доли грана истины теряются и тонутъ въ цѣлыхъ пудахъ неправды!

Однако жъ, возразятъ иные, если вся теорія Органона и дѣйствительно не что иное, какъ судно, ставшее, не смотря на плоскодонную постройку свою, за совершеннымъ безводьемъ, на мель, то она по крайности, равняясь дѣйствіемъ своимъ нулю, не принесетъ на дѣлѣ ни какого вреда; а какъ неоспоримо, что большая часть острыхъ болѣзней исцѣляются Природою, а хроническія почасту неисцѣлимы; то Гомеопатія должна быть терпима, какъ вещь безвредная. - Не допускаемъ и этого; рѣчь идетъ не о частномъ вліяніи дѣйствій моихъ на пользуемаго мною, но о ходѣ и духѣ самой Науки и Искусства. Я могу, какъ Скептикъ, сомнѣваться въ благотворномъ дѣйствіи снадобій, могу выжидать, предоставлять

дѣло Природѣ, это не новое, и извѣстно въ Патологіи нашей давнымъ давно подъ названіемъ способа выжиданія; но тогда я не долженъ приписывать послѣдствія сего бездѣйствія таинственнымъ средствамъ; - если Врачъ обманываетъ самъ себя, то онъ достоинъ жалости и посмѣянія; если обманываетъ другихъ - посрамленія; ибо, не должно забывать, что Гомеопаты упорно опровергаютъ возможность какого либо самоисцѣленія. Во всякой же болѣзни, требующей дѣятельнаго и скораго пособія, Гомеопатъ убиваетъ бездѣйствіемъ своимъ. Если самоисцѣленіе сильнаго воспаленія легкихъ есть:

Rara avis, nigro simillima cygno,

то есть, рѣдкая вещь, какъ черный лебедь, - то напротивъ того, будучи запущено, обращается оно въ чахотку или въ легочный кровяной ударъ. Не смотря на то, были Врачи, которые приводили множество примѣровъ излеченія воспаленій легкихъ, и даже мозга, помощію триліонныхъ долей грана! Вотъ до чего

доводили врожденная наклонность ко всему таинственному и мнимо-безвредные опыты! - Стоитъ только попасть однажды на эту колею, и своротить уже трудно: попадешь въ обозъ, такъ пойдешь гужемъ; переднія колеса лошадь везетъ, а заднія и сами ѣдутъ! Иные превозносятъ Гомеопатію за строгую и полезную діэту ея. Воля ваша, и это вздоръ. Необходимость и польза воздержанія и надлежащаго выбора качества и количества пищи, равно и другихъ жизненныхъ потребностей, извѣстна со временъ Ипократа: и такъ Самуилъ не удивилъ насъ новостію своею; но конечно, никто доселѣ не издавалъ еще въ свѣтъ такихъ забавныхъ и нелѣпыхъ таинственныхъ правилъ діэтетики, какъ онъ; забавнѣе же всего при этомъ то, что тотъ же искатель похожденій и приключеній, Дон-Кихотъ Самуилъ, возставалъ, до постриженія своего въ нынѣшній гомеопатическій санъ[7], противу всякой вообще діэты, и старался столь же нелѣпо показать ничтожество ея, какъ въ послѣдствіи порывался и надрывался ввести

странную и причудливую діэту, въ которой, подыскиваясь и придираясь ко всякому вздору, даетъ онъ самовольно вѣсъ и значеніе пустому, несущественному, отвлекая вниманіе наше отъ существеннаго - въ чемъ онъ и вполнѣ уподобляется площадному фигляру. Взываю ко всякому, кто превозноситъ Ганеманна и мнимыя средства его, невидимыя и неисповѣдимыя, какъ самая судьба, кто ссылается на опыты, на Марѳу, на Петра, на Сидора, на Демьяна, которые исцѣлены будто бы чудотворною силой ихъ, взываю именемъ святой истины, что доказываютъ подобные разсказы, переходящіе за чашкою кофе изъ рукъ въ руки, изъ устъ въ уста? не стоятъ ли они на ряду съ сотнями достовѣрныхъ примѣровъ исцѣленій помощію заговора, и подобныхъ тому невинныхъ домашнихъ средствъ? Намъ, Врачамъ, удается видѣть удивительные примѣры самоисцѣленія Природы при самомъ дурномъ, ошибочномъ и невыгодномъ пользованіи; причемъ выздоровѣвшій нерѣдко вѣруетъ слѣпо и непреклонно въ благодѣяніе едва не

погубившихъ его средствъ и превозноситъ ихъ!

Нѣтъ, Гомеопатія опытная есть презрительный шарлатанизмъ самаго низкаго разряда; искусство, знаніе, совѣсть, самая жизнь больнаго - для нея игрушка; Гомеопатія умозрительная - но гдѣ нѣтъ мысли, тамъ нѣтъ и умозрѣній, и такъ объ этомъ и говорить нечего. Ученіе это - зло по себѣ, яко ложь и неправда, зло въ послѣдствіяхъ своихъ, яко затмѣвающее умъ и разумъ и лишающее насъ благаго дара мыслить - ученіе; - а всѣ чудотворныя дѣйствія ея не иное что, какъ богатырскія сказки. - Но время кончить. Кто изъ всего вышесказаннаго не убѣдился вполнѣ въ злоумышленіи или слабоуміи Самуила Христіана Фридриха Ганеманна - о послушникахъ ни слова - тотъ да приговоритъ себя за это къ эпитиміи, къ прочтенію послѣдняго полновѣснаго творенія безсмертнаго мужа, творенія, служащаго достойною погремушкою для дурацкаго колпака его; въ немъ силится Донъ-Кихотъ и повѣствователь

Шехеразады доказать, что всякая безъ изъятія болѣзнь, не исключая ни кори, ни оспы, ни воспаленій, ни простудной или иной лихорадки, ниже отступающаго отъ надлежащаго положенія младенца въ утробѣ материнской, что все это - есть слѣдствіе - отгадайте чего? - вогнанной, или еще необнаружившейся чесотки! - Такъ, братія, Noi sem venuti ad luogo, - мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ какъ я сказывалъ вамъ, увидимъ мы утратившихъ разсудокъ.

Отпечатаемъ напослѣдокъ косыми буквами итогъ всего того, что заставилъ насъ высказать лжепророкъ о мнимомъ способѣ своемъ или системѣ врачеванія и объ уложеніи онаго, о книгѣ, подъ названіемъ Органона:

- Изъ Органона Ганеманна нельзя научиться ни чему доброму или полезному въ отношеніи къ опытной Медицинѣ; это есть только замѣчанія достойный памятникъ заблужденій ума человѣческаго, выродковъ уносливаго воображенія, и жалкой, безразсудной переимчивости и

страсти къ новизнѣ не малаго числа современниковъ.

Къ подлинному близко:

В. ЛУГАНСКІЙ.

[1] **Полное заглавіе этой книги: Samuel Hahnemann, Pseudomessias medicus, κατ εξοχην der Ferdünner, oder kritische Ab-und Ausschuemmung des medicinischen Aurgiasstalles, Organon der Heilkunst, auch homöopathische Heilkunst genannt, für Aerzte und gebildete Nichtärzte, von Friedrich Alexander Simon jun D-r, practischem Arzt in Hamburg, bei Hoffmann et. Campe 1830. 8.**

[2] **Aristophanes, Ranae, V. 1370.**

[3] **Intelligenzblatt der allg. Literaturzeitung No 1. Jahr 1801.**

[4] **Спрашивается: что было недѣйствительною частію оныхъ?**

[5] **Leipz. polit. Zeitung, No 112, 1821.**

[6] **Мнимое логическое противорѣчіе сіе давно уже объяснено Патологами, каковъ Гаубій и другіе.**

[7] **Hufel. Journ. d. pract. Heilkunde B. IV. p. 107.**